

Культурологические размышления по поводу коллективной монографии «Российско-японские отношения в формате параллельной истории»

А.Н. Мещеряков

Российско-японские отношения развивались не сами по себе, но были продуктом общеисторической траектории развития и представляют собой производную такого развития. В этом развитии огромную роль играют внутренние факторы – не только преходящие (политические), но и более долговременные – культурные.

Ключевые слова: Россия (СССР), Япония, двусторонние отношения, модернизация, период Мэйдзи, революция 1917 г., картина мира, хронотоп, антропоморфизация государства, кокутай, метафора «света», метафора «борьбы».

Всякий, кто знаком с проблемой российско-японских (японско-российских) отношений, должен признать, что издание книги «Российско-японские отношения в формате параллельной истории» [1] – мужественный проект. Долгие годы слишком многие отечественные и японские историки новейшего времени, следуя за политическим истеблишментом своих стран, подвергали друг друга критике. При этом их главной аудиторией становилась общественность своих же стран, таможенный контроль интеллектуальный продукт не преодолевал. То, что труды японских историков были плохо представлены в России, а российских – в Японии, я считаю непреодоленным наследием холодной войны, которая, похоже, еще далеко не исчерпала свой потенциал.

Но на сей раз историки решили отказаться

от жанра обоюдной критики и представили тексты, в которых излагают свою точку зрения, свободную от прямых взаимных упреков, а их аргументы направлены прежде всего на «чужую» аудиторию. О сложности такого проекта свидетельствует признание японской стороны, что попытки написания параллельной истории вместе с китайскими и южнокорейскими специалистами потерпели неудачу [1, с. 12].

В поле зрения авторов находится по преимуществу событийная история отношений двух стран начиная с XIX в. и до сегодняшнего дня. Они тщательно прослеживают, как первые спорадические контакты обретают постоянную основу и институционализируются, получают договорное оформление. Авторы добросовестно описывают возникавшие проблемы и конфликты, способы их разрешения и преодоления. При этом, как правило, японские историки в большей степени опираются на японские источники, российские – на отечественные. Представляется, что в будущем, несмотря на очевидные трудности, следует постараться избегать такого дисбаланса.

Отдельный интерес представляет собой заключительная глава исследования, в которой авторы (Косугэ Нобуко, С.В. Чугров, Д.В. Стрельцов) предпринимают попытку осмысления двусторонних отношений под несколько иным углом зрения, а именно: взаимные образы как составляющая двусторонних отношений. Проведенный ими анализ показывает высокую степень корреляции между политическими и имиджевыми факторами.

Поле заданного авторами книги свободного обсуждения провоцирует и меня высказать в вольной форме, не скованной рамками стандартной рецензии, некоторые свои соображения по поводу того историко-культурного фона, на котором разворачивались отношения между Россией и Японией. Эти соображения касаются, прежде всего, периода второй половины XIX – первой половины XX в., с которым я знаком лучше [2–5]. Кроме того, следует помнить, что наиболее болезненные проблемы нынешних двусторонних отношений имеют истоком именно это время.

Я исхожу из предпосылки, что российско-японские отношения существовали не в вакууме, они развивались не сами по себе, но были продуктом общеисторической траектории развития и представляют собой производную такого развития. Причем огромную роль играют внутренние факторы – не только преходящие (политические), но и более долговременные – культурные.

В начале истории двусторонних отношений обе страны принадлежали к группе стран «догоняющего развития», необходимость коренных реформ была осознана в середине XIX в. В результате модернизации прежняя картина мира оказалась радикально пересмотрена как в Японии, так и в России. Основа картины мира – это представления о времени и пространстве (хронотоп). Для историка традиционных государств и обществ данное положение является общим местом, однако среди ученых, занимающихся более современными сюжетами, такой подход встречается не так часто. Мне же кажется, что описание хронотопа в новое и новейшее время открывает новые перспективы для более адекватного описания и понимания реальности.

Пересмотр традиционной модели хронотопа в Японии можно датировать второй половиной периода Мэйдзи (1867–1912), в России – революцией 1917 г.

В результате революции 1917 г. наибольшему пересмотру подверглась временная составляющая: время до 1917 г. было объявлено во всех отношениях ущербным, рождение власти рабочих и крестьян посчитали началом «новой эры», произошел решительный отказ от традиции во всех мыслимых областях, а «отставшие» во времени «буржуазные», «монархические» и «религиозные» элементы подверглись остракизму, репрессиям и прямому уничтожению. В официальном дискурсе господствовал безудержный культ молодости и презрения к старикам. Сочинения советских литераторов и публицистов того времени полны воспеания разрушительной энергетики.

В то же самое время, несмотря на полную смену правящей элиты, представления о государственном пространстве не претерпели в СССР кардинальных изменений. После разнонаправленных исканий первых послереволюционных лет забота о «собираании земель» и пространственном расширении (как в форме прямого присоединения, так и в форме создания буферных зон) снова сделалась одним из главных приоритетов советского государства (особенно показательны территориальные приобретения накануне вступления СССР во Вторую мировую войну).

Что до Японии, то пересмотр временной парадигмы оказался не столь зримым. Проводя на деле чрезвычайно решительные реформы, правящая элита не уставала повторять, что все изменения проводятся якобы в соответствии с принципами и основами, которые были выработаны еще в глубокой древности, но впоследствии забыты. Фактически руководствуясь в своих действиях теориями «прогресса», эволюции и социального дарвинизма, официальный дискурс склонялся к тому, чтобы объявить реформы проекцией «золотого века» на современность. Этот дискурс был направлен на поддержание преемственности, а не на разрыв времен. Главным фактором, призванным обеспечить преемственность, являлась не прерываемая в веках императорская династия.

Упор, сделанный на преемственности по отношению к древности (с точки зрения историка, это была, безусловно, квазипреемственность), позволил избежать того огромного числа жертв, которые принесла стране большевистская модернизация. Репрессии по отношению к инакомыслящим были несопоставимы по масштабам по сравнению с СССР и Германией. После путча 1936 года в Японии был казнен только один человек по политическому обвинению (Одзакэ Хоцуми, информатор Рихарда Зорге). В Японии был не возможен поэт, который, подобно Маяковскому, призывал бы стариков не путаться под ногами у молодежи.

Революционный разрыв времен в Японии всячески затушевывался. И если в первые годы правления Мэйдзи произошедшие события, бывало, характеризуются как «революция» (*какумэй*), то впоследствии это определение предается забвению, и его место занимает термин «обновление» (*исин*).

Отношение к государственному пространству подверглось в период Мэйдзи более кардинальной ревизии, чем время. Сёгунат Токугава проводил изоляционистскую политику и не стремился к расширению подвластной ему территории на том основании, что земля, на которой проживают японцы – наилучшая, а потому нет никакого смысла стремиться выходить за ее пределы. Мыслители этого времени полагали, что «уважаемость» страны не коррелирует с обширной территорией. Эту мысль хорошо выразил географ и астролог

Нисикава Дзёкэн (1648–1724): «Если страна большая, то это не значит, что она уважаема. Ее уважаемость определяется правильностью чередования четырех времен года, достоинствами и недостатками ее людей. Если же страна чересчур велика, то чувства людей и их обычаи весьма разнообразны и сделать их одинаковыми трудно. А потому Китай хоть и является страной священных мудрецов, но все равно династия приходит через какое-то время в беспорядок, и управление делается на долгое время трудным... Что до Японии, то ее размеры не малы и не велики, обычаи и чувства ее людей одинаковы, управлять ими легко»¹ [6, с. 25].

В период Мэйдзи восторжествовала совсем иная идея: чем больше территория страны, тем престижнее. Это находилось в полном соответствии с западной концепцией державного пространства, которая предполагает приобретение колониальных владений, являющихся признаком «уважаемой» страны. Оказавшись пленницей этой концепции, Япония вынудила себя пересмотреть и вековую подозрительность по отношению к морским просторам, которые ранее расценивались как препятствие для нежелательных иноземных влияний.

Построив мощный военно-морской флот и ощутив себя морской державой, Япония ввергла себя в череду континентальных войн. Во всех из них (исключение составляет лишь война 1945 г. с СССР) она выступила в качестве инициатора: «малая» война с Китаем (1894–1895), война с Россией (1904–1905), война с Германией (1914), вторжение на советский Дальний Восток («сибирская экспедиция», 1918–1922), «большая» война с Китаем (1931–1945), война с Великобританией, США и многими другими странами антигитлеровской коалиции («великая восточноазиатская война», 1941–1945). Все эти акции либо приводили к территориальному расширению Японии, либо имели его в виду. После присоединения Кореи в 1910 г. крошечная «островная страна» превратилась в «материковую империю», что вызвало в японском обществе восторги поэтического свойства.

Поскольку Япония приняла западную концепцию расширяющегося государственного пространства, которой придерживалась и Россия, две страны с неизбежностью вступили на этом поле в конкурентные отношения. Судьба российско-японских отношений стала заложницей прежде всего территориального фактора. А это предполагало высочайшую степень вовлеченности военных в решение всех государственных вопросов. Огромная роль армии нашла свое отражение и в позиционировании императора Мэйдзи. В России верховный правитель всегда был одновременно главнокомандующим и занимал активную по отношению к пространству позицию, что отражает общий для Европы (всех индоевропейцев) военный генезис верховной власти. В Японии генезис «императорской» власти имел жреческие корни, «тэнно» никогда не имел военных функций, но образ императора Мэйдзи кроился во многом по западному лекалу, его объявили верховным главнокомандующим.

После российско-японского компромиссного договора 1875 г. о территориальном размежевании (Сахалин отошел к России, а Курилы к Японии) в двусторонних отношениях все больше энергии стало уделяться силовому решению проблем. Историки спорят о том, была ли русско-японская война неизбежной, до конца ли государственные мужи использовали возможности для компромисса, но обоюдная нацеленность элиты двух стран на

¹ Думается, что эта мудрая мысль Нисикава Дзёкэн не потеряла актуальности и в нынешнее время.

территориальную экспансию и психологическая готовность решать проблемы с точки зрения силы убеждает меня в неизбежности той войны. Ее начала Япония, но, по большому счету, она не имела конкретно антироссийской направленности, она явилась следствием взятой на вооружение концепции развертывающегося государственного пространства. «Вина» России и «вина» Японии заключались только в географии – в том, что они оказались соседями. Как покажет вся последующая история, – «соседями по несчастью», ибо пересмотр в Портсмуте договора 1875 г. создал в результате больше проблем, чем их разрешил. Но Япония действовала в рамках той картины мира, которую ей предлагал западный миф о благодатности территориального расширения.

Несколько «терроризируя» историю с географией, рискну предположить, что если бы Россия вдруг поменялась географическим положением с Англией, то возникла бы не японо-русская, а японо-английская война, а договор о дружбе был бы заключен не между Японией и Англией, а между Японией и Россией. Не случайно в первой половине XX в. у Японии не сложились долгосрочные дружественные отношения ни с одной соседней страной – ни с Россией, ни с Китаем, ни с Кореей. Дружескими партнерами имели шанс стать, по преимуществу, те страны, которые располагались далеко от границ. Для Японии это была поначалу Англия, потом страны Антанты, потом Германия и Италия.

Символическое пространство СССР и Японии было устроено похожим образом. И СССР, и Япония мыслили себя находящимися в центре мира на том основании, что являются мощными источниками света. Звезды Кремля светили всему миру, по ним сверяли курс, как «по маяку», Москва объявлялась столицей «прогрессивного» человечества, СССР представлял как единственная страна победившего социализма, которому принадлежит глобальное будущее. Сам Сталин фигурировал как носитель «светлого учения» и «солнце нашей жизни».

Вслед за синтоистскими божествами, японские императоры, считавшиеся потомками солярной богини Аматэрасу, традиционно считались носителями света, в их посмертных именах и девизах правления иероглифы, обозначающие свет, встречаются часто. Императорский дворец в Токио был центром мира, устроенного на японский лад. Вслед за императорами светоносность стала приписываться и всей Японии, которая получила неофициальное, но очень распространенное название «Страна восходящего солнца». Этот свет предполагалось транслировать в самые темные уголки мира. Позиционирование Японии как модели для подражания было совершенно новым историческим явлением – никогда раньше такой задачи не ставилось.

Официальный дискурс как СССР, так и Японии представлял международные отношения как арену для поединка сил света и тьмы. При этом предполагалось, что в мире существует только один источник света. Такое убеждение неизбежно вело к отношениям конфронтации с подавляющим большинством стран. Но такая конфронтация служила доказательством своей избранности.

Общественный дискурс, которым пользовались в СССР и Японии, был полон метафор. Они создавали такую образную картину мира, в которой позитивистскому осмыслению действительности оставалось все меньше места. Цели, к которым стремились обе страны, настолько противоречили базовым принципам устройства жизни и мира, что для их достижения насилие являлось едва ли не главным средством. Элиты обеих стран совершенно

неверно оценивали реальность и ставили перед страной утопические, несбыточные цели. Лидеры СССР мечтали о благодном коммунизме, лидеры Японии – о гигантской «зоне азиатского сопроцветания» под эгидой Японии. С точки зрения оценки действительности это были откровенно провальные проекты, но недостаток обоснованности и трезвости восполнялся напыщенным поэтическим и метафорическим дискурсом, к которому не применимы критерии формальной логики.

Выдающаяся роль силовой составляющей в осуществлении своих целей с неизбежностью вела к господству метафоры «борьбы» в общественном и государственном дискурсе. В этих условиях литература и другие искусства буквально превращались в орудия убийства. В 1925 году В. Маяковский, с присущей ему интенсивностью переживаний как личной, так и общественной жизни, экзальтированно восклицал: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо!» Японский правительственный журнал «Еженедельник фотографии» («Сясин суюхо») в 1938 г. вторил ему: «Кино – это пулемет пропагандистской битвы, фотография – это меч, который с легкостью пронзает человеческое сердце, это ядовитый газ, растиражированный в миллионах экземпляров» [7].

Культивируемая образность была такова, что мирное решение проблем оказывалось затруднительным.

Представление о строении государства было в Японии тоже метафорическим. Метафора коллективного тела имела огромное значение в государственной идеологии второй половины XIX – первой половине XX в. Уподобление государства человеческому организму (государство-тело, яп. *кокутай*) встречается еще в древнекитайских сочинениях, однако в Японии это уподобление входит в действительно широкий обиход только в период Мэйдзи. При этом знакомая метафора приобретает значения, навеянные европейскими (главным образом, немецкими) правоведами с их идеями «органического государства».

Наиболее успешно применял метафору государства-тела юрист Минобэ Тацукити (1873–1948). Именно под его влиянием в начале XX в. в японский политико-государственный быт прочно входит «теория органа» (*кикансэцу*). Согласно Минобэ, государство представляет собой единый организм, в котором каждая его клетка (человек) входит в состав определенного органа и всего тела. Император же отправляет функцию «головы». Подчиненное положение «народа» в этой метафоре не вызывает сомнения, но в 1934 г. она все равно подверглась суровому осуждению со стороны военных радикалов на том основании, что император не может быть органом (пусть даже самым важным), т.е. выполнять подчиненную по отношению ко всему организму роль. Правительство откристилось от «теории органа», но оно не отказалось от самой метафоры государства-тела, которая была призвана обеспечить единство японского общества и государства. В 1937 г. на свет появился главный документ японского тоталитаризма «Кокутай-но хонги» («Основной смысл тела-государства»). Теперь народ окончательно лишился своей самостоятельной функции и ему предстояло только безоговорочное подчинение императору, который квалифицировался как «сердце» (эквивалент «души»).

Уточнение телесной метафоры было знаковым событием в истории японского тоталитаризма. Если «голова» – это орган мышления, то «сердце» – орган чувствования. В отличие от «головы» (некоторые японские мыслители даже называли императора «головным

мозгом»), «сердце», его «чувства» и «эмоции» не описываются с точки зрения верифицируемой терминологии. Один из основных лозунгов японского тоталитаризма – «сто миллионов [японцев] – одно сердце». Японское государство и общество наделялись антропоморфными чертами, это создавало возможность для того, чтобы приписывать им человеческие чувства. Каковы же были эмоции этого новообразования? Следует признать, что они были намного беднее, чем чувства «обычного» человека. За образец была взята личность, напоминающего ходульного самурая. «Обида» и жажда мести были едва ли не основными его чувствами, которые определяли действия государства по наказанию обидчиков. А их насчитывалось много. Китай преподносился в качестве вечного обидчика Японии, поскольку в китайской картине мира Японии всегда уделялось место варварской периферии. Что до Запада, то в качестве обид назывались расовая дискриминация, ограничение японского военно-морского флота (Вашингтонская конференция 1921–1922 гг., Лондонский договор 1930 г.), отказ Англии продлить договор о дружбе (1922 г.), иммиграционный акт США (1924 г.). Все мировое сообщество «оскорбило» Японию в 1933 г., когда Лига Наций отказала в признании марионеточному правительству Маньчжоу Го, но зато признала суверенитет Гоминьдановского правительства над Маньчжурией.

Распространившееся среди японской элиты и в самом народе чувство обиды открывало путь для ответных действий. Самурайский кодекс чести (мести?) может выглядеть привлекательным и даже оправданным в отношениях между людьми, но, будучи распространен на всю нацию и на межгосударственные отношения, он привел к страшным последствиям. Тем более, что в сердце самурая находилось место и для чувства вины, но в государственном арсенале эмоций такого чувства не было. У самурая имелся сюзерен, а у страны Японии сюзерена не было, образцов для сверки своего поведения не существовало.

В СССР не использовалась метафора тела для обеспечения единства. В советской идеологии был чрезвычайно силен разъединяющий потенциал: классовое разделение, открытая дискриминация отдельных социальных групп (интеллигенция, буржуазные, религиозные и иные «элементы»). Реальное национально-культурное многообразие СССР также тормозило интеграционные процессы. В этих условиях в качестве наиболее мощного объединяющего фактора стала выступать фигура вождя – Сталина, который обладал чрезвычайно своеобразными представлениями о справедливости. Его личные эмоции стали приписываться советскому государству и «советскому народу». В письме к Трумэну от 16 августа 1945 г. Сталин требовал включить в зону советской оккупации Курильские острова и северную часть Хоккайдо на том основании, что в противном случае общественное мнение в СССР было бы «серьезно обижено». Получив от Трумэна отказ на оккупацию Хоккайдо, он «обиделся» **на Америку** и, вопреки Потсдамской декларации, заточил в Сибири **японских** военнопленных, не имея на то ни юридических, ни моральных оснований. «Обида» советского народа оказалась сильнее других соображений.

Метафора «борьбы» распространялась на все сферы общественной жизни как в Японии, так и в СССР (в СССР даже «борьба против природы» была ходовым выражением) [8–9]. Это приводило к созданию упрощенной черно-белой картины мира и воспитанию соответствующего типа человека, понижению интеллектуального уровня. Это касается и уровня самих военных. Во время русско-японской войны японское командование состояло по

преимуществу из высококвалифицированных офицеров, но уровень компетентности командующего состава во время «великой восточноазиатской войны» находился на несравненно более низком уровне. В начале модернизации военно-политическое руководство новой Японии достаточно трезво оценивало соотношение противоборствующих сил и одерживало одну победу за другой, но уже начиная с «Сибирской экспедиции» чувство реальности стало покидать его. Безнадёжно завязнув в Китае, Япония объявила войну США и Великобритании и вступила в борьбу с половиной мира, не имея ни малейших материальных оснований для победы. Подобный авантюризм был возможен только в условиях, когда сознание воспринимало метафоры как высшую реальность. Вера в «сердце» и в побеждающую силу «праведных» эмоций приводили к ощущению, что «духовное» («дух Ямато») считалось сильнее «материального».

И Япония, и Россия принадлежат к странам с богатой поэтической традицией. Исконная японская поэзия – *вака* не имеет дела с нагнетанием агрессивных эмоций. Ее сверхзадачей является установление гармоничных отношений с окружающим миром. Что до поэтов расцвета тоталитаризма (30-е – первая половина 40-х годов XX в.), то они стали отдавать предпочтение верлибру и их вдохновение стали питать совсем другие эмоции. По случаю нападения на Пёрл-Харбор Такамура Котаро (1883–1956), знаменитый поэт и председатель поэтической секции писательского Союза служения Японии, писал о том, что следует «вырвать у врагов с корнем их когти и зубы». И такие стихи появлялись в великом множестве.

Метафора «борьбы» предполагала не столько компетентность, сколько безоговорочное послушание и готовность жертвовать собой во имя «высоких» целей. Следует признать, что и к советскому политическому и военному руководству слишком часто предъявлялись требования, которые не имели отношения к квалификации. Катастрофическое начало Отечественной войны с Германией в значительной степени объясняется именно этим.

В первой половине XX в. Япония находилась в перманентном состоянии войны, количество мирных лет уступает военным. Японская пропаганда превозносила военных героев – прежде всего погибших. При этом не имело никакого значения, сумел ли герой выполнить боевую задачу. По большому счету, это был гимн некомпетентности. Камикадзе получили всемирную славу вовсе не потому, что они нанесли большой ущерб американцам (по меркам той войны он был ничтожен), а потому, что они добровольно вызвались умереть. Камикадзе становился героем в момент боевого вылета, когда он еще ничего не успел совершить.

Отношения между Японией и Россией (СССР) были проекцией культурных и эмоциональных установок такого типа государства/общества, которое ставит перед собой несбыточные цели. Миллионы людей искренно верили в абсолютную самоценность расширяющегося государственного пространства, светоносность собственной страны, легко становились пленниками поэтических метафор. Эти метафоры становились путеводителем в символическом пространстве, в котором проживали реальные люди. Это и было то коллективное бессознательное, что управляло поведением людей – как политической элиты, так и простых граждан (подданных). В обеих странах люди расценивались (и расценивали себя!) как возобновляемый ресурс для достижения целей, которые были больше самого

человека. Анализируя войны, конфликты, заключение договоров, их нарушения и иные важные события, следует помнить и про те ментальные структуры, которые позволяли порождать тот событийный ряд, с которым имеют дело историки.

Список литературы

1. Российско-японские отношения в формате параллельной истории : коллективная монография / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Йокибэ; МГИМО(У) МИД РФ, Ассоциация японоведов. М.: МГИМО-Университет, 2015. 1024 с.
2. Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: «Наталис» – «Рипол классик», 2006. 736 с.
3. Мещеряков А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: «Наталис», 2009. 591 с.
4. Мещеряков А.Н. Стать японцем. Топография тела и его приключения. М.: «Наталис», 2014. 432 с.
5. Мещеряков А.Н.. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. М.: «Дело», 2014. 424 с.
6. Нисикава Дзёкэн. Нихон суйдо ко. Суйдо кайбэн. Каи цусё ко : [Размышления о водах и землях Японии. К пониманию вод и земель. Размышления о торговле с варварами]. Токио: Иванами сётэн, 1988. С. 25. 196 с.
7. Ито Нобутада. Эйга-ни эгакарэта дзэнсэн то дзюго : [Фронт и тыл в киноизображении] – Дайниппонкоку-но хакай. / под ред. Ямамура Кэнтоку. Серия «Нихон-но дзидайси». Токио: Ёсикава кобункан, 2004. Т. 25. С. 140.
8. Мещеряков А.Н. Homo Sovieticus: покорение пространства и времени. – Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране. – М.: «Наука», 1992. С. 159–181.
9. Мещеряков А.Н. Читая старые «Огоньки» // Знание – сила. 1991. №8. С. 64–72.

См. также:

Мещеряков А.Н. Япония и Россия в объятиях пространства и времени // Полис. 2016. № 3. С. 160–172.

Поступила в редакцию 28.01.2016

Автор:

Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор РГГУ и РАНХиГС. E-mail: meshtorop@mtu-net.ru

Some reflections of a Cultural Antropologist concerning monograph “Russian-Japanese Relations in the framework of Parallel History”

A.N. Meshcheryakov

Russian-Japanese relations have been developing not by themselves but were a result of a broader historical and cultural context. In the evolution of bilateral relations not only short-term (political) factors were important. Long-term cultural factors should be also considered.

Keywords: Russia (USSR), Japan, bilateral relations, modernization, Meiji period, revolution of 1917, picture of the world, time-space pattern, anthropomorphism of the state, kokutai, the metaphor of "light", the metaphor of "struggle"

Author:

Meshcheryakov Alexander N., Doctor of Sciences (History), Professor, Russian State University for Humanities & Russian Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: meshtorop@mtu-net.ru